СВЕТЛОЯРКА
г. Москва

6 февраля 1986 г.

Как глоток свежей воды

В Москве в Центральном доме художника открыта персональная выставка Героя Социалистического Труда, народного художника СССР Иззата Клычева.

За те несколько встреч с Иззатом Клычевым, что были в Москве и Ашхабаде, мы так и не поговорили о нем самом. На прямые вопросы он мягко отвечал: «О себе трудно говорить».

Оценив скромность собеседника, прибегаем к обходному маневру: И. Клычева представляют коллеги и знатоки его творчества.

Беседа с народным
художником СССР
Иззатом Клычевым

Действительный член Академии художеств СССР ДЕМЕНТИЙ ШМАРИНОВ:

«Картини Клычева — яркое, мажорное, жизнеутверждающее творчество, опирающееся на богатейшие традиции его родной Туркмении, на достижения современной живописной культуры».

Действительный член Академии художеств СССР БОРИС ВЕЙМАРН:

«Иззат — один из основоположников туркменской школы живописи. Мне приходилось бывать у него в мастерской, где хранится огромное количество рисунков, этюдов, которые он делал у пастухов, у строителей Каракумского канала. Сюжет своих знаменитых «Стригалей» он нашел в отдаленнейшем уголке пустыни. Этот человек живет жизнью людей, которых вы видите на его картинах. Оттого нам так интересно знакомиться с этими произведениями».

Член-корреспондент Академии художеств СССР ДМИТРИЙ БИСТИ:

«Клычев умеет самые обыкновенные явления жизни превращать в искусство. Это качество делает его крупным мастером».

Добавлю, что Иззат Клычев — председатель республиканского Комитета защиты мира, участник Великой Отечественной войны. Одна из его последних работ — тондо «Счастье». О ней первый вопрос.

— Иззат Назарович, ваши героини светятся счастьем материнства. Лаская малышей, они безмятежно спокойны, ни тени тревоги в ясных глазах. Вы верите сегодня в такую гармонию, допускаете возможность растить сыновей без страха за их жизнь в мире, где все еще рвутся бомбы?

— Да, сегодня я верю в то, что добро и справедливость могут восторжествовать. Наша страна бесстрашно и открыто ведет борьбу с ядерной смертью. Наш односторонний мораторий продолжает действовать. Мы предостерегаем от уничтожения всех видов оружия и хотим войти в треть тысячелетия мирными, без ядерной смерти, с запами доброжелательности, искренности и доверия друг к другу.

Младенцы, рождаясь, не ведают зла, ни одна мать не хочет видеть в своем ребенке агрессора, преступника, разрушителя. Голос человеческой совести — искусство — воспевае женщину с младенцем на руках как символ света, радости и мира. Моя картина аллегорична. Хотелось, чтобы зритель увидел в ней не только красоту и безмятежность, но утверждение высоких идеалов верности, терпения и любви, что превращают мать в богиню, достойную поклонения у всех народов мира.

— Женские образы в туркменской живописи — одно из самых больших чудес. Достаточно увидеть их на полотне, чтобы определить национальную принадлежность картины. Но не на картинах только, на улицах туркменских городов можно увидеть величественных, исполненных чувства собственного достоинства женщин. Царственная походка, бархатное платье до земли, на голове — драгоценная шаль. Эти экзотические создания, кажется, принадлежат другой эпохе. Понятен интерес живописца к такой натуре. Но отчего так глубока в народе приверженность к национальной одежде, довольно дорогой и, видимо, стесняющей движения в наше суматошное время?

— Вы помните героиню туркменского фильма «Каракумы, 45 в тени»? Уважая обычай рода, эта мудрая женщина-ученый приехала к себе в штирляк только в национальном платье. Мы коснулись сейчас одного из самых сложных явлений нашей действительности, которое имеет живейшее отношение к проблеме национальных традиций и национальных особенностей и в жизни, и в искусстве. Кратко ответить на ваш вопрос не берусь, но позицию свою постараюсь определить как можно точнее.

Говоря о процессах, происходящих в современном многонациональном советском искусстве, многие авторы, особенно газетных публикаций, в известной мере упрощенно представляют себе взаимоотношение национальных культур и характерные особенности каждой из них. Им все кажется предельно ясным — местный художник, выучившись в столице, приезжает на родину и сеет зерна нового искусства в отсталой, не знавшей живописи, графики, скульптуры республике. Падая на благодатную почву, эти зерна вырастают в национальные произведения современного профессионального искусства. Почвой считают многовековые традиции народного творчества.

В узкой схеме, может, оно и так. В жизни все сложнее. Истинно национальное произведение — это сплав мастерства, усвоенного худож-

ником, постигавшим законы создания шедевров русской и мировой культуры, с художественным опытом родного народа. Не скоро возникает подобный сплав, не сразу и не вдруг.

Мне хочется обратиться к опыту ученых. Чтобы сделать крупное открытие, скажем, найти нефть в наших безмолвных песках, нужны огромные знания, и опыт, и умение извлечь богатство именно из того слоя недр, где оно заложено. В других местах искать бесполезно.

Точно так же для того, чтобы раскрыть глубинную суть национальной культуры, нужны большая школа, большое мастерство и знание тех пластов народной истории, в которых эту культуру следует искать.

Мы говорили о наших женщинах. Я ведь всю жизнь у них учусь, и школа эта никогда не кончится. Учусь в семьях белуджей — там обычно по 12—14 детей. А как умеет мать распределять домашние дела: незаметно, бесшумно и быстро накормить скот, поднять детишек в школу, проводить на работу мужчин, убрать, сварить, заняться рукоделием. И будто не устае никогда эта прекрасная женщина, голоса не повышает, раздражение преступлением назвала бы. Приветлива, радостна, добра — откуда все это? Народная культура, многовековые привычки, строй жизни, воспитание, глубокое уважение к окружающим — вот истоки ее поведения.

Вы назвали дорогими платья, что носят наши девушки. Я расскажу вам, как они им достаются. Студентки на уборке хлопка заняты, как известно, от зари до зари. И руки поранены, и спины болят. Но впереди учеба, любимый Ашхабад. Они привыкли быть украшением своей столицы, привыкли быть красивыми. Панбархат на длинное платье стоит недешево. Но за хлопок хорошо платят, и можно заработать на несколько платьев. Вышивка на базаре дороже панбархата. Поэтому вышивать надо самой. Работа фантастически трудоемкая, и к началу учебы едва успеешь. Значит, вечером за иголку, и вышивает до утра, пока не ушла в поле.

— Действительно, туркменская вышивка — живая память о мастерстве, как бы материализованная национальная гордость, живущая в каждой семье. Что еще вкладываете вы в понятие — художественный опыт народа?

— «Не танцевал спокон веков народ моей страны» — часто цитируют эти строки Берды Кербабаяева. Я добавляю — и не пел (только бахши пели). А женщине не то что петь, слушать бахши запрещалось. И плакать, провожая мужа на войну, запрещалось. И вечной вдовой оставалась она, потеряв любимого. Выходить замуж второй раз запрещалось. Так что же эмоции ее, спрессованные безжалостным запретом, так и не находили выражения? Не могло быть такого. Все муки свои и страдания, все трагические монологи влетала она в орнаменты ковра. Нет таких переживаний, которых не отразили бы краски и символы этих великих туркменских произведений. Зная к ним ключ, их можно читать, как трагедии Шекспира, и преклоняться перед гениальностью авторов.

Туркменское серебро древнее мифов Авесты и Древней Греции. Керамика хранит секреты строителей и гончаров, шелковые ткани и по сей день ткнут на домашних станках, потому что нет в продаже такого плотного материала с муаровым эффектом, как знаменитые туркменские шелка «День-ночь», «Вечер», «Утренняя заря». Россияль драгоценностей народного искусства всегда перед глазами. Но не каждому дано, увидя от стилизации, найти тот художественный язык, которому не чужды были бы образы, живущие в фольклоре. Сплав традиций с языком современности требует высокого горения души. Наши произведения — всегда автобиографичны. И вы не скроетесь за самой изысканной национальной формой. Всегда видно, для чего ты работаешь, чтобы создать еще один сюжет и быстроенько устроить его на очередную выставку, или же думаешь о том, как сделать искусство твоей республики, твоей Родины достойным своего времени, самобытным явлением такого уровня, чтобы оно, перешагнув границы республики, стало по масштабу интернациональным.

— Вы часто бываеете за рубежом, знаете художников Африки, Латинской Америки. Какие проблемы наиболее актуальны для искусства этих регионов?

— Став на путь независимости и самостоятельного развития, страны Азии, Африки, Латинской Америки и в искусство ищут путей, которые не уводили бы творчество от национальных корней. Это нелегкая работа.

Я видел в своих поездках, и не однажды, как сознательно формируется мода на абстрактное искусство, как европейские меценаты закупают произведения начинающих абстракционистов, с полным пренебрежением относясь к реалистическим полотнам, как насаждается формализм в художественных школах, как вытравляется и третируется народное начало в творчестве. Это тяжелое наследие. И процесс оздоровления далеко не закончен.

Поэтому, как глоток свежей воды, необходимы нашим друзьям из Анголы и Йемена, Ирака и Бенина, Панамы и Никарагуа выставки советского искусства. Я думаю, мы еще недостаточно поняли, насколько наш опыт помогает становлению национального искусства развивающихся стран.

Извечно противопоставлялись Восток и Запад; извечно элитарный Запад третировал «отсталый» Восток. И вдруг на примере, скажем, туркменского советского искусства люди видят, что весь европейский снобизм — ложь и фальшь и нет в нем ни грана истины. Истинно наше революционное искусство, выстраданное и выпестованное всей нашей многонациональной семьей. В каждой из республик формировалась своя художественная школа, но никогда не испытывали мы при этом ни национального превосходства, ни унижения. Бесцен этот опыт и доступен для всех.

Беседу вела
С. ПАВЛОВА.

АШХАБАД — МОСКВА.